

Авторское предисловие

До этой книжки, были изданы моих десяток других, с рассказами "похожими на меня". Они были узнаваемы с первых страниц : краткие, добрые, с улыбкой.

Я по природе своей строитель, но хотелось и понять психологию разрушения. Написанное объединилось для новой книги, названия для которой я еще вначале не определил. Давал читать ее писателям гостившим в нашем доме, среди них были и Василий Павлович Аксенов, и Владимир Николаевич Войнович, и Фазиль Искандер и те не сговариваясь говорили : "Илья, это на вас не похоже."

Отсюда и " Рассказы не похожие на меня".

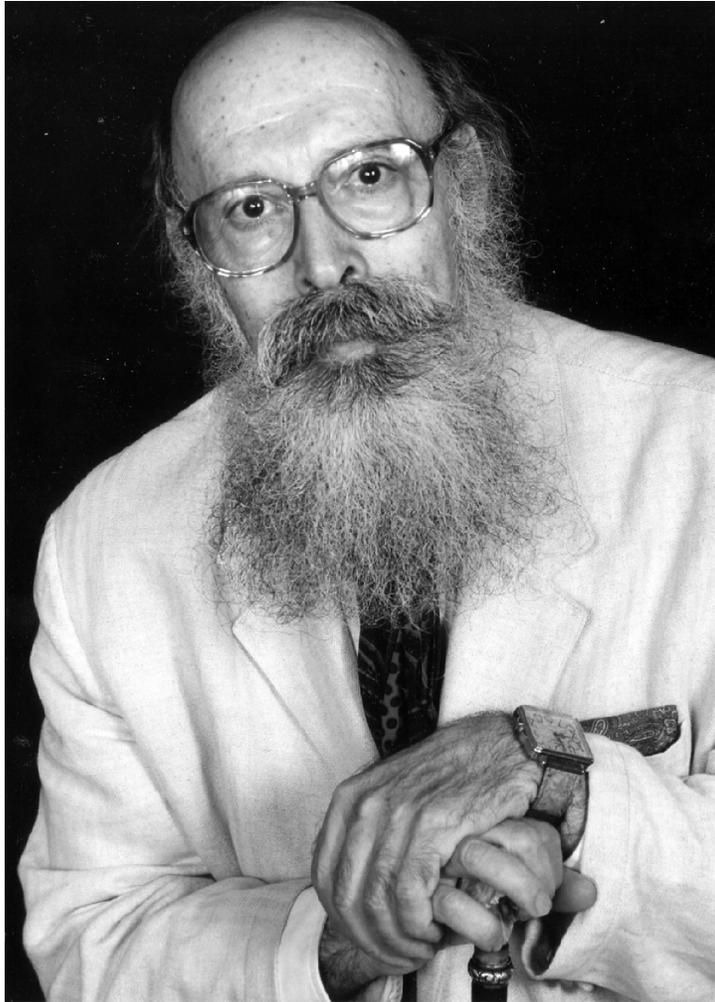

фото Г. Штейна

Илья Рудяк

Чикаго 2005

Рассказы

не

похожие

на меня

Илья Рудяк

Компьютерный дизайн - Дмитрий Халабуда
Фотографии - Владимир Снежко
Григорий Штейн

© Илья Рудяк. 2008.

Лысина в окне

Наши дома стоят напротив, через дорогу, на расстоянии четверти акра. С того дня, как мы переселились в наше ранчо, я никогда не видел соседа в лицо - только лысину в окне. Утром, когда я выходил во двор, она уже торчала над креслом. И так до самого захода солнца.

Вечером задвигалась портьера, и зажигался свет. Если бы иногда он не поворачивал голову чуть-чуть вправо или влево, или не опускал её вниз, я мог бы подумать, что это искусно сделанный муляж.

Я стал наблюдать за "Лысиной" в бинокль. Круглая голова с мочками ушей, вросшими в шею, была полностью голой, без единого волоска. На темечке начинались круглые борозды морщин, а ниже они превращались в жирные складки, уходящие под белый воротник рубашки.

Я привык к лысой голове в окне. Она притягивала мой взор, и я удивился бы, если бы вдруг не застал её на обычном месте. И в то же время она меня чем-то раздражала. Я не знал, о чём она думает, и думает ли она вообще. Есть ли под ней туловище, руки, ноги? Жену "Лысины", высокую, тощую старуху, я изредка видел вынимающей почту из ящика. Делала она это поспешно, не поднимая глаз, и так же поспешно удалялась по дорожке, просматривая на ходу пачку писем, газет, журналов.

Часто она мелькала в окне возле кресла, но что она делала, о чём говорила с "Лысиной", я понятия не имел.

Однажды, устанавливая бинокль на лысину в окне, я увидел гуляющую по темечку муху. Она быстро-быстро перебирала лапками - большая тёмная муха. И вдруг над ней появилась цвета слоновой кости рука-протез. Пять негнущихся пальцев совершали механическое движение вокруг головы, а муха продолжала путешествовать, как ни в чём не бывало.

Я сходил в дом за винтовкой. Навёл оптический прицел на муху и спустил курок. Окно разбилось вдребезги. Кровь густо залила лысину и потекла за белый воротник рубашки.

Муха исчезла.

Белки

Я - москвич. Родился и жил до самого отъезда в Сивцевом Вражке, в коммуналке. Белок - естественно, рыжих - видал на картинках, в кино и в зоопарке. Считал экзотикой и относился к ним с восторгом и уважением.

Сейчас я объявил их "врагами Рейха номер один". Мой "Рейх" - это современное ранчо на акре земли с десятком деревьев вокруг. В основном - дубы, хикори, ели. А на них жёлуди, орехи, шишки и тьма... серых белок. Ну, прыгайте себе на радость, гоняйтесь друг за дружкой! Так нет же: с самого утра до позднего вечера грызут, грызут, грызут! Да мне и не жалко этих орехов, шишек, желудей. Грызите, обгрызайтесь! Но зачем засорять шелухой гаттеры, патио, драйввэй?

И я начал войну. По закону нашего штата убивать их - строго запрещается; бросать в них камни - бесполезно; белколовки в магазины ещё не завезли. Так я их сам сконструировал. По принципу: приманка-пружинка-защёлка. Потянется белка за лакомством, а её хрясть по хребту, и готова! Всё было бы ничего, да шуму много. И соседи в полицию звонят.

Затаил я на этих крыс пышнохвостых великую злобу, извёлся в мыслях: что придумать, чтобы окончательно решить вопрос? Они мне стали сниться по ночам; повсюду, казалось, сыпется на голову дождь из шелухи, а в ушах свист непрерывный. И я решился! В конце-концов, кто хозяин дома? Кто вовремя вносит деньги в банк ежегодно за моргидж, кто платит налоги? Я или они?

Пила работала исправно. Девять пней забелели на нашем участке. Ветки и стволы я нарезал на дрова для камина. Хватит до конца жизни.

Могилка под кедром

Она смотрела на меня влюблённо, ничего не подозревая. Я налил ей свежего молока в белую вазу из-под цветов. Она ластилась к моим ногам, распушивала хвост, тёрлась ухом о ботинок.

Я представил себе, что за миску прохимиченного "catfood" она делает то же самое с этим жирным коротышкой Финкельштейном, соседом напротив.

"Дрянь, сволочь, блудливая девка!"

Она жадно лакала молоко, отрываясь иногда, чтобы, зажмурившись от удовольствия, поблагодарить своего временного хозяина.

"А потом ты побежишь к старухе Бидиссон, что за углом, и она будет тебя целовать и нежить. Паршивая лесбиянка!"

Я взял её на руки. Она сразу крепко прижалась и замурлыкала. Я водил пальцем по её спине, а она податливо двигалась навстречу.

"Неужели и грязному индусу, не проронившему два слова за пять лет соседства, она позволяет чёрными пальцами водить по тем же местам? Продажная шкура!"

Во мне закипела дурная кровь. На этот раз я окончательно решил её убить. Я стал сжимать ей горло, всё сильнее и сильнее. Она ещё не верила, что это не понарошку, и мягко сопротивлялась когтями, но было уже поздно.

Из-за острых зубов вывалился язычок.

Я пошёл за лопатой. Мне было легко и спокойно.

Я выкопал ямку под кедром и осторожно положил в неё тело моей любимицы.

Книжник

Я знал этого человека как страстного книжника, обладателя громаднейшей библиотеки. Толковый инженер-конструктор, он отбывал свои положенные часы на службе, а остальное время отдавал книге.

Покидая Одессу, я оставил у него несколько редких, старых книг в обмен на современные, разрешаемые к вывозу. Для меня это до сих пор - невосполнимая утрата.

Как-то проездом в Филадельфии, узнаю я, что знакомый мой живёт тут, в шикарном пригороде, что он преуспевающий бизнесмен, богатый человек.

Я позвонил ему. Он примчался за мной на спортивной машине с закрытым верхом и минут через двадцать привёз в очаровательное поместье с озерцом в парке.

Начался показ дома, где я путал порч с бризвеем, патио с гриллом, жакузи с жалюзи. Я ждал кабинета-библиотеки, готовился там порыться всласть.

Его рабочая студия была заставлена техникой: мощный компьютер, телефоны без проводов, проигрыватель с лазерной иглой и... ни одной книги.

Я не выдержал и спросил:

- А где же твои книги?

- Книги? - переспросил он с улыбкой.

- Пойдём в бейсмент!

Это был запанелированный четырёхугольник размером с футбольное поле. Его занимали большой бильярд, теннисный стол, велосипеды для упражнений и... опять ни одной книги.

Хозяин подвёл меня к камину, отодвинул резную решётку в сторону. Взял трезубец с медным набалдашником и ткнул в горстку пепла:

- Вот они, мои книги! На самый низ я положил "Цемент" Гладкова, на него "Бруски" Панфёрова, на них "Лес" Леонова, затем пошли "За спичка-ми", потом "Костёр" в костёр, и "Как закалялась сталь", и "Железный поток", и "Поднятая целина", и десять томов Алексея Николаевича, и двадцать томов Льва Николаевича, и шесть томов Шолом Алейхема, и восемь Алейхема Шолохова, затем пошла поэзия, живопись, архитектура! О, как пылали "Кизи", как потрескивала "Белая берёза", какой дым шёл от "Чёрных досок"! Я никогда не испытывал большего наслаждения, чем в тот раз, когда сжигал литературу и искусство, сжигал мосты. И только когда я увидел груды пепла, я успокоился и ожил, как птица Феникс. Я стал заниматься де-е-е-елом!

Всё это он проговорил на одном дыхании. Я был оглушён каскадом слов, страстностью речи, безумием сказанного.

За столом я молчал, много пил. Хозяин сам налился порядочно, и, когда жена и дочка-подросток разошлись по своим бедрумам, он поманил меня пальцем за собой в просторный туалет. Там он нажал какую-то кнопку, и зеркальная стена, как в сказочном фильме, медленно поползла в сторону, открывая взору стеллажи, плотно набитые книгами.

"Всё же не совсем пал" - подумал я с радостью.

Моя рука тут же потянулась за "Спутниками Пушкина" и... наткнулась на доску.

Книги были нарисованы.

Раздвоение

...Я стремительно падаю вниз с невообразимой высоты, весь опутанный сеткой. С приближением земли я ощущаю холод смерти. Страх обуял сердце, и голос не повинуется мне. Доля секунды - и от меня не останется мокрого места...

...и вдруг...

...сетка зацепилась за выступ верхушки громадной железной башни и завертелась на нём, как волчок...

...и Я же, стою в сторонке от сотни зевак у подножия Эйфелевой и, глядя вверх на себя, вертящегося, спрашиваю: "если Я, что в сетке, сорвусь с выступа и грохнусь о землю, и неминуемо убьюсь, останусь ли жив Я, что нахожусь здесь внизу?"

...и Я не могу сказать себе ни "да", ни "нет". Только в Джурине, только дома Я могу получить ответ на мой вопрос. Надо мчаться туда, в местечко, немедленно. Сейчас же...

...бегу по набережной, бегу под мостом, бегу по безлюдной широкой площади, где высятся стены без единого окна, бегу вдоль железнодорожной насыпи, за мной увязалась тощая, длинная собака, выбегаем к саду у каменоломни. Вот уже виднеется маковка церкви перед школой, взбегаю на пригорок - и передо мной Джурин. Спускаюсь по шоссе к речке, на мосту догоняю М., нашего родственника, он в той же самой замасленной тужурке, как и десять лет назад, когда я его видел последний раз. Спрашиваю его:

- Как там наши?

- Они все тебя ждут, - отвечает он.
- И мама тоже?
- И мама, и папа и братья.
- А разве мама не умерла от рака?
- Нет, она жива. Они все тебя ждут.

Боже, значит мама жива! Я оставляю М., и бегу вверх по каменным улочкам к дому с балконом. Стемнело. Сердце тревожно ёкает в груди. Вот и лестница из ракушечника, шаткий балкон, крошечное окошко спальни, узкий коридор и открытая дверь в столовую. За столом сидят папа и два моих брата. Мама выходит из кухни, держа в руках тарелку с бульоном, и ставит её перед отцом. Лицо у неё меловой белизны. Но она жива! Никто не удивился моему приходу. Я вспоминаю, зачем я мчался из Парижа, и спрашиваю старшего брата:

- Скажи мне, если Я, тот, что в сетке, сорвусь вниз и убьюсь, останусь ли жив Я, что перед тобой?:
- Ты обязательно умрёшь тоже, - отвечает он, продолжая есть бульон.

...Я сбегая по лестнице, бегу вдоль речки, мимо церкви, мимо сада, вдоль железнодорожного полотна, ко мне присоединяется длинная немощная собака. И вот уже площадь с высоченными домами без окон, набережная Сены, и... наконец, Эйфелева башня...

...Я, в сетке, чувствую, как она сползает от непрекращающегося вращения с выступа. Лечу в пропасть...

...Я внизу. Разрывается сердце. Тьма заликает голову...

Я упустил свое счастье

Я купался в море до поздней осени. На вышках уже не было спасателей - заплывай, куда хочешь. Это было щекочущее нервы чувство - плыть к горизонту. Вдруг судорога, или море взбунтуется - ты один, а до суши далеко - кричи не кричи, никто не услышит.

Возвращаясь к берегу, я увидел, что, выбиваясь из последних сил, плывёт недалеко от меня девушка. На лице - ужас, крикнуть о помощи не может, захлебнётся и пойдёт ко дну. Я подхватил её и поплыл к буйку. Она прилипла ко мне, крепко обхватив руками и ногами, и боялась отпустить. Лицо перепуганное, в глазах слёзы, и вызвала она во мне такую жалость, такую нежность, что я стал гладить её мокрые волосы, и... поцеловал в пухлые, ещё детские губы. Она не воспротивилась, и постепенно оттаяв, посмотрела на меня, чуть откинув голову назад, и поцеловала сама.

- Откуда ты, русалочка?

- Из Омска. Это я впервые на море. Я сегодня утром прибыла в... санаторий.

- И пропустишь месяц в школе?

- Я уже окончила техникум... заочно и работаю в клубной библиотеке. А сейчас в отпуске.

Я не мог удержаться и зацеловал её глаза, лоб, щёки.

- Разве так бывает: сразу, не зная ничего друг о друге?

- Значит, бывает. Потом, я о тебе уже много знаю. Она вдруг покраснела.

- Нет, вы о главном даже не подозреваете.

- Ты замужем? У тебя есть ребёнок?

- Что вы, что вы!
- Ты влюблена в руководителя драмкружка?
- Он лысый, и от него несёт табаком.
- Что же это за тайна?
- Если вы её узнаете, то сразу измените своё отношение ко мне. А вы женаты?.
- Сейчас нет.
- Значит, были?
- Когда-то.
- А кто вы по профессии? Не говорите, не говорите. Я угадаю сама. Вы - художник... и любите рисовать море, да?
- Почти угадала.
- Вот здорово!

Это же надо, чтобы такое счастье привалило мне. В принципе, её надо забрать сейчас же, без сомнений, без оглядки на возраст, забрать на всю жизнь, ибо такое вряд ли повторится. Не думать, как посмотрят на это родные, что скажут друзья, что подумают соседи...

Мы были уже долго в воде, и она может простудиться, подумал я и нежно прижал её к себе, чтобы согреть своим разгорячённым телом.

И вдруг она заплакала.

- Прошу вас, пожалуйста, плывите к берегу один и уходите, не оборачивайтесь, сделайте это, если вы ко мне хорошо относитесь.
- Я не просто хорошо отношусь к тебе, ты мне нравишься... Я люблю тебя...
- Я слышу это впервые... и всё же, уходите... уплывайте, умоляю вас, и не оборачивайтесь...

Я повиновался. Подумал, что она успокоится, я подожду и встречу её на единственном выходе из аллеи.

На песке, у самой воды, я наткнулся на костыли и два ортопедических ботинка, слегка прикрытых платицем в синий горошек...

Зеркало

На зрителя катился снежный ком афиш, реклам, объявлений, интервью: загадочных, необычных, привлекательных.

“ЗЕРКАЛО” - представление века!

“ЗЕРКАЛО” - представление всех времён и народов!” “Подобного ничего не было и не будет!” “Представление возможно к показу только один раз!” “Зеркало” - самый дорогостоящий спектакль в истории театра!”.

Из интервью с главным постановщиком: “Зеркало” - это аллегория вселенского масштаба. Это апокалипсис нашего времени”.

На вопрос, кто из известных актёров занят в спектакле, последовал ответ: “С одной стороны - ни одного, с другой - тысячи”.

И ничего конкретного по этому поводу больше выжать не удалось.

День за днём интерес к “Зеркалу” подогревался и возрастал, .

Цены на билеты распространялись не по рядам, а по Турникетам. Места в Первом Турникете стоили - десять тысяч долларов за одно!!! В последнем - девятьсот девяносто девять!!!

Переделанный для постановки ангар вмещал пятнадцать тысяч человек!

И все билеты были проданы!

Появились даже подделки. Но и это бралось в учёт устроителями. Они неоднократно предупреждали, что в настоящих есть магнитная перфорация, реагирующая на соответствующий при входе сигнал.

Распространялись слухи, что спектакль не состоится в назначенный день, что не готова какая-то сложнейшая декорация. Слухи эти постоянно опровергались. Возможно, это делали одни и те же люди. Наивысшего накала достигла сенсация, что якобы Главный Архитектор Проекта сбросился с колосников, покончив жизнь самоубийством.

И вот наступил день показа.

Конная полиция у театра, вертолёты над театром, вереница машин, направляющаяся в подземный гараж. Мощные усилители разносят команды режиссёра-постановщика "Зеркала". Сто пятнадцать автоматических дверей одновременно открылись для входа в Турникеты. Перед каждой дверью обслуга в фирменной одежде вручала зрителям красочный, увесистый пакет, на котором значилось, что вскрыть его можно только по специальному знаку.

Зал был устроен по принципу лабиринта. Начинался он с входа в последний Турникет и заканчивался выходом из первого. Кресел в крупнейшем зале не было. Все стояли на нарисованных густой белой краской "отпечатках ног".

Недоумение и ожидание чего-то страшного висело в воздухе. Предметная музыка нагнетала это чувство. В полумраке слышались: вой сирен, скрежет тормозов, лай собак, мяуканье кошек, рык тигров, стон женщин, завывание ветра, шум океана, крики обезьян, звон колоколов, орудейные залпы...

И вдруг всё это оборвалось. Наступила полная тишина. Она длилась долго, до изнеможения. И в тот момент, когда, казалось, нервы не выдержат,

завучали фанфары, врубился свет, и медленно пополз занавес. Перед изумлёнными зрителями весь проём сцены занимало настоящее, литое зеркало. Все пятнадцать тысяч зрителей увидели себя в нём и... замерли. Зеркало обнажило их сущность: достоинства и пороки, красоту и уродство, трусость и храбрость, доброту и злобу - всё, что накопилось в каждом за всю его жизнь.

Зрелище было ужасающим и невыносимым.

Команда: "Вскрыть пакеты!" - раздалась, как никогда, вовремя. Там находились... камни.

Духовой оркестр заиграл марш. И началось что-то невообразимое: с неистовством, с жадностью разрушения, с физическим наслаждением, люди бросали камни в зеркало, и каждая трещина, звон осколков вызывали рёв и восторг.

Когда последний зритель опустошил свой пакет, зеркало было полностью разрушено.

Зазияла пустота...

Голова

Был второй час ночи.

Калитка, как всегда, нараспашку, и в доме - ни огонька.

“Спит, стервец”, - подумал я о брате и... замер: на дорожке стояла девушка в коротком пальто, с протянутыми ко мне руками. “Лику у нас на даче?” Я потянулся к ней и чуть не закричал от ужаса. Пальцы мои ощутили ещё липкую, влажную глину.

“Ах, единоутробный, бесёнок! Роден!”

Он вылепил мой несбыточный сон, дачную красавицу, недотрогу Лику.

“Ублажил меня братец! Преподнёс подарочек!”

Я обошёл вокруг статуи. Коса до пояса была аккуратно заплетена и перехвачена бантом-бабочкой...

“Она. Вылитая, вылепленная. Высокая и стройная, перед нашей развалюхой, и никуда ей не деться, не уйти, не сбежать, не пройти мимо, задрать голову. Как будто ты чурбан, полено, пень”.

- Ли-и-ка! - протяжно, с улыбкой сказал я ей и со всей силой ударил ребром ладони по шее. Голова шлёпнулась о камень и превратилась в лепёшку.

Я тихонько открыл дверь, прошёл на цыпочках к дивану. Брат мой спал, с головой накрывшись одеялом.

Я повалился на кровать и заснул сном праведника.

Разбудил меня крик. Я услышал голос брата.

- Варвар! Подонок!

Я сразу и не понял, по поводу чего это. Когда я выглянул в окно и увидел безголовую Лику, сразу всё прояснилось. Он подбежал ко мне.

- Ты видел её сегодня ночью, видел?

- Видел и подумал, что живая.

- А этот варвар сбил ей голову.

- Кто?

- Как кто? "Идиот", это его работа. Он смотрел, как я её лепил, стоял у забора и глазел вовсю. Это он. И заплакал.

- Перестань, глупец. Вылепишь другую, ещё лучше той.

Я оказался в дурацком положении, но признаться почему-то не хотелось, тем более, что вина пала на соседского парня-недоумка. Я потрепал брата за волосы и сказал поласковой:

- Лепи, лепи по-новой.

В следующую ночь, приближаясь к нашему дому, я вдруг почувствовал волнение: вылепил он голову или нет?

Калитка на этот раз была закрыта. Она скрипнула протяжно и ржаво. Тени от деревьев были тревожны, а звёзды нависали прямо над крышей.

Вылепил! Вот она, моя хорошая, моя ненаглядная, во всей своей красе. И головка - ещё прекраснее прежней. Я погладил её, поправил бант, застегнул пуговицу на пальто и готов был уже занести кулак в лицо, как услышал шаги. Он подошёл к нам и, поправляя очки, спросил тихо:

- Как?

Я обнял его за костлявые плечи, и мы пошли в дом.

- Не сомневайся. Ты гений, Родька.

Он попытался поговорить о вчерашнем случае, а я, сославшись на усталость, предложил пойти спать. Вскоре он заснул, накрывшись, по привычке, с головой одеялом, чтобы свет не раздражал.

Я выждал ещё немного и вышел к Лике. Она покорно ждала меня всё там же, протянув навстречу руки. Я взял их в свои и прошептал:

- Здравствуй, Лика! Вот ты и сомной, слабухом из "Отрады", с барабанщиком. Помнишь, как ты загорала на крыше, а я глядел на тебя в бинокль, и ты кричала:

"Противный, противный барабанщик!" - и повернулась попкой вверх. И ещё и язык показала. Ах ты, шалунья моя!

Я обнял её. Она не сопротивлялась, а только смотрела в одну точку, как бы не видя меня. Вернее, ненавидя меня.

Я отвернулся от неё и неожиданно резко ударил кулаком в висок. Голова отлетела в кусты и повисла на ветках.

Я проснулся от ощущения, что кто-то стоит надо мной и смотрит в упор, не отрываясь. Это был брат. Глаза его, полные горя и слёз, блестели за очками.

- Что? - спросил я его.

- Опять, - ответил он.

"Неужели догадался?" - похолодел я весь.

- И только голову, - продолжил он, еле двигая губами.

Мы вышли во двор. Ликина голова лежала у её ног. Сплюснутая от удара, вся в морщинах от колючих веток куста дикой розы. Брат смотрел на меня, ища сочувствия, но что я ему мог сказать? Признаться было уже невозможно, поздно.

На следующий день первая осенняя гроза смыла остов, а от головы остался круглый комочек глины.

Брат теперь целыми днями лежал на диване, ел мало, глаза ввалились. Молчал. Я старался забавить его, играл деревянными ложками на пустых бутылках, как на ксилофоне, но он не реагировал, а только криво усмехался.

Возвращаясь теперь по ночам домой, мне не хватало на дорожке Ликиной фигуры. Я стал уговаривать брата вылепить Лику ещё раз.

- Для меня, понимаешь, для меня, ты же знаешь, как я люблю её. До сих пор люблю.

Он молчал.

- Слушай, мы её будем охранять по ночам, как в "Сивке-Бурке", помнишь? Ты ведь обожал её слушать ребёнком. Ну, как?

Глаза его затеплились.

- Ты согласен, я знал, что ты согласишься.

- У меня нет глины.

- Будет тебе глина, Родька, будет самая лучшая глина в мире.

С лопатой и мешком в руках я бежал по крутому спуску к глиняному карьере.

- Будет тебе глина! - кричал я, набрасывая лопату за лопатой в мешок. - для моей Лики ничего не жалко, только вылепи её, Родька, вылепи, родимый.

Я бежал с мешком обратно, как будто за плечами раздувались паруса. Три раза я повторил этот путь и не устал нисколько.

- Вот тебе глина, - сказал я брату.

Он отбирал куски, стал мять их, перебрасывать с ладони на ладонь.

- Уйди, - попросил он меня.

- Понял. Не буду мешать, твори.

В ресторане трубач, взглянув на меня, спросил:

- Ты чего такой возбуждённый?

- Есть отчего, есть, - сказал я, садясь за ударные, и начал молотить по коже и тарелкам.

Теперь он одел её в лёгкий сарафан (я хорошо помню этот сарафан в ромашках-цветочках), и грудки-грушки выпирали точь-в-точь, как тогда, когда она пробежала мимо с надувным матрацем и в соломенной шляпке на голове.

А самой головы ещё не было. Не успел, намаялся за день. Ничего, подождём. Я ущипнул её за сосок.

На этот раз над головой он работал долго. Переделывал, сминал заново, искал какое-то особое выражение глаз. И нашёл, бесёнок, и ещё какое: укор, осуждение, крик.

В первую ночь я застал его сидящим на подоконнике, обхвативши руками колени, съёжившимся от холода.

- Иди, поспи, Иванушка, а я подежурю, - сказал я ему.

- Нет, будем вместе.

Я набросил на него мою куртку и сел рядом в кресло.

- Расскажи "Сивку-Бурку", - попросил он.

Когда я дошёл до иванушкиной ночи, он уже спал. Я осторожно взял его на руки и уложил на диван, снял очки и накрыл одеялом. Он тут же натянул его на голову.

- Не подходи, - кричали глаза, - не подходи!

Меня зазнобило. Я вынул “мерзавчик”. Оторвал зубами крышечку и приложился. Сразу потеплело.

- Может, и ты попробуешь из горла? - предложил я Лике. - Брезгуешь, знаю, что брезгуешь. Ну, и правильно делаешь. Поэтому ты и недотрога, чистая красавица.

С первого удара я отбил половину головы и поранил в кровь руку: внутри был заложен острый булыжник. Я только ещё больше разъярился и, вырвав из штакетника доску, снёс ею вторую половину Ликиного лица.

И сразу обмяк. Кровь сочилась из пальца. Я смыл её под краном. Перетянул руку носовым платком и улёгся в кресло.

Мне снилось: иду по аллее, под ногами ползают длинные, полудохлые кошки. Я пинаю их ногами, а они не разбегаются. Мой ботинок весь в месиве из гнилого мяса и шерсти. Затем с дерева прыгает на меня премерзкое кошачье и вгрызается когтями и зубами в плечи. Хочу его сбросить, но никак не могу. Нет сил. “Так тебе и надо, так тебе и надо!” - кричит Лика за оградой и смеётся, заливаясь.

Брат стоял у окна и тихо хохотал. Когда я открыл глаза, он кивнул головой в сторону Лики, продолжая так же равномерно хихикать.

Это был смех сошедшего с ума.

Из записок таракана

...ровно месяц, как выехали индусы. Какое это было чудное время! Как мы сытно, спокойно, любовно жили! Я не зря рыдал, видя их сборы. Я предчувствовал, что так хорошо нам уже не будет никогда. Кто, кто ещё оставит мне на ужин тёплую лепёшку, или восточные сладости, или ароматные специи? О, эта семья из Бомбея была для нас всех настоящим кладом.

...Приходил араб с усиками, с сигаретой в зубах, с толстой женой и четырьмя дочерьми. Галдели, шумели и ушли ни с чем. Я был рад. Он не вызвал у меня никаких симпатий. Дымил мне прямо в лицо, когда я забрался под конфорку плиты. Мужлан.

Затем смотрела апартамент молодая пара. Он был похож на американского еврея, а она - с крестиком на шее и в интересном положении. Живот громадный, а родит всего одного. Странные существа эти люди. Парочке не понравилась ванная. Хорошо, что не понравилась. А то появился бы ребёнок и плакал бы по ночам.

...Сегодня суббота. Наш лендлорд не успевал открывать двери. Но контракт никто с ним не подписал, так что мы всё ещё "фор рент".

Припасы, что остались после индусов, кончаются. Если никто не снимет апартамент в ближайшие дни, все наши, особенно мама, хотят переселиться на этаж ниже. Я могу понять маму: она совсем недавно разрешилась выводком братьев и сестричек, а они все хотят есть, голод - не тётка.

...Сегодня ничего существенного не произошло, кроме как скончалась старенькая прабабушка со стороны отца. Её тут же сожрали. Днём приходила семья из России. Не знаю, в какой части света Россия, но дед, который совсем высох и, кажется, тронулся умом, сказал, что это далеко, далеко, и там холодно.

Муж - высокий, с залысинами на лбу и оттопыренными ушами - ходил за нашим корейцем по комнатам и всё повторял: "Ай андерстенд!", - притом с большим акцентом. Жена проверяла, горят ли все лампочки, идёт ли горячая вода из кранов, спускается ли вода в туалете. Толстяк-сын спрашивал только одно: где будет его спальня? Язык у них несложный, но хинди для моих ушей благозвучнее. Думаю, что русские поселятся у нас. Настроение у всех улучшилось.

...Русские уже здесь. Они привезли мебель, называя её "хельгой", и много запакованных ящиков. Я пошнырял незаметно между ними - ничего съедобного, пахнут луком и нафталином.

...Вечер того же дня. Наши уже заняли позиции у щелей и ждут, когда разложат продукты. Бабушка уговаривает всех не выходить раньше времени и не пугать русских количеством и жадностью. Никто её, конечно, не слушает.

...Вчера, в воскресенье, произошло столько новых событий, что не знаю, с чего начать. Самое главное: они любят поесть! К тому же часто, со вкусом и обильно. На завтрак они слопали кастрюлю картофельного пюре, целую селёдку, приправленную луком и уксусом, буханку круглого хлеба, две пачки сливочного масла и салат из огурцов и помидоров. На десерт нарезали большой арбуз и съели его

полностью, повторяя, что в июне там, где они жили раньше, арбузов ещё и в помине не было.

Самое страшное: хозяйка оказалась аккуратисткой. После завтрака она начисто вымыла посуду, тщательно вытерла стол, остатки еды собрала в полиэтиленовый мешочек, выбросила в ведро и плотно накрыла крышкой, сказав при этом: “Если мы не будем следить, появятся тараканы, и мы никогда не избавимся от этой нечисти”. Я весь побагровел от злости. Какая подлая, гнусная баба!

На обед у них был борщ со сметаной, с чесноком вприкуску, мясные котлеты величиной с блюдце, поджаренные на подсолнечном масле, от одного запаха которого мы все изошли слюной, а на десерт - яблочный пирог из слоёного теста. И снова хозяйка всё вылизала дочиста! Жадина, изверг, бездушное отродье!

Ужин состоял из творожных оладий, абрикосового джема и ароматнейшего какао. Мальчик болтал ногами под стулом и ронял крошки от еды под стол. Эта ведьма сразу заметила и снова напомнила о тараканах, подмела под столом и, конечно, не забыла на ночь обдать кипятком посуду и насухо вытереть её полотенцем. Мы ждали, когда они улягутся спать, Даже побегать по тарелкам - тоже удовольствие: ведь что-то могло и остаться на донышке чашки, или с обратной стороны тарелки. Или зацепиться между зубьями вилки - это наш праздник, это наш хлеб.

Наконец, настал этот момент. Мы лавиной бросились на умывальник, на плиту, во все углы кухни. Каждый что-то да находил, но разве это сравнишь с

хлебосольством индусов! Возились до полуночи и разбрелись голодными.

Я уже засыпал в своей норе, когда яркий свет, а за ним визг хозяйки, заставил меня высунуться и узнать, в чём дело. "Марик, Марик! - кричала она, - Я видала, как они убежали под умывальник! Ужас, ужас, я знала, что так будет. Я этого не вынесу. Тараканы у меня в квартире! Марик!" Вошёл сонный хозяин и стал успокаивать: "Пойдём спать, займёмся этим завтра". "Завтра?! Завтра будет поздно! - закричала она. - Доставай борную, сейчас же засыпем все входы и выходы!" Я, не дожидаясь начала объявленной войны, прошмыгнул незаметно под дверь, ведущую на террасу, и залез в старый ботинок. Ко мне доносился шум, стук, грохот, но я затаился, замер.

...Две ночи я никуда не выходил. На третью не выдержал: будь, что будет. Надо узнать, как наши, где они. То, что предстало моему взору, напоминало великий мор. Наш род был полностью уничтожен. Слезы душили меня. Я не знал, куда податься, что делать. Окрик хозяйки привёл меня в чувство. "Один ещё живой! Марик, вот он, вот он, у плиты!" Я не успел убежать. Меня накрыли банкой из-под майонеза.

Я думал тогда, что он тут же растопчет меня ногой, и готовился умереть. Одна мысль беспокоила меня: не дать пропасть моим записям. По ним кто-то всё же узнает, как мы жили, о чём мечтали, как боролись.

...Эта женщина придумала страшный спектакль. Она оставила меня в банке, плотно закрутив крышку, и поставила на видное место между плитой и шкафчиками: пусть, мол, видят, как поступают русские с тараканами.

...Пишу эти строчки из последних сил, лапки не удерживают огрызок карандаша, строчки расплываются, полное истощение организма... Пить, пить... я любил вас, та..."

На этом записки прерываются.

От издателя: в литературоведческих кругах записки вызвали большой интерес. Неоконченную фразу "Я любил вас, та..." многие трактуют по-разному. Одни считают, что автор имел в виду "Я любил вас, Татьяна" - по имени хозяйки дома. Теория явно мазохистская. Другие - "Я любил вас, товарищи, объясняя это "а" вместо "о", как описку от головокружения. Есть ещё мнение филолога из Канады, утверждающего, что фраза гласит: "Я люблю вас, Тарас", а профессор Иерусалимского университета не сомневается, что это могло быть только: "Я любил вас, Талмуда народ". И, наконец, два ведущих исследователя тамильского языка и один переводчик с бенгальского утверждают, что герой имел в виду Тагора, так как был равнодушен к индусам.

Тузика украли

Еду я ранним утром домой с ночной смены в полупустом трамвае. Напротив сидит старушка, одна-одинёшенька в чёрном платочке на голове, печальная такая, а рядом, на сидении - коробка с тортом "Отелло". На Бурсацком спуске врывается в вагон весёлая студенческая ватага. Может, с попойки или на попойку. Шутки, прибаутки, смех. И так же с шумом через несколько остановок компания выпорхнула. До моего выхода ещё далеко, сижу и, как говорят, "куняю носом". Вдруг крик: "Тузика украли!"

Открываю глаза, вижу: старушка мечется по вагону с плачем: "Тузика моего украли, Тузика!"

Оказывается, везла она в коробке из-под "Отелло" хоронить тело собачки Тузика, прожившей с ней четырнадцать лет.

Человекопудель

Проснулся Человек с первым лучом солнца, вскочил на ноги, вышел на балкон, потянулся, широко зевая, и подумал: какой прекрасный день начинается! Смотрит с высоты восьмого этажа, а внизу акации цветут, дворник клумбу поливает, вдали виноградные поля до самого моря протянулись. Лететь хочется!

И полетел... ему за шею окурочек от сигареты - больно спине сделал и дырку в пижаме выжег.

- За что? - вскрикнул Человек.

А дело в том, что на девятом этаже молодой Любовник после жаркой ночи с Женой Боксёра докуривал на балконе сигарету и, не думая ничего плохого, а в силу своей невоспитанности, бросил вниз ещё дымящийся окурочек и пошёл пить кофе.

Человек посмотрел вверх - а там мелькнула лишь уходящая тень на балконе. Обидно стало Человеку, и, прихватив с собой злополучный окурочек, как доказательство, двинулся он на девятый добиваться истины.

Позвонил он в дверь довольно требовательно и долго.

А в квартире Жена Боксёра и Любовник не ожидали такого внезапного возвращения мужа, уехавшего в другой город на соревнования, страшно оба перепугались и не знали, как быть.

Звонок повторился ещё настойчивей и длинней.

Жена Боксёра, дрожащая и побледневшая, показала Любовнику на балкон: прыгай, мол, но здесь не оставайся, иначе он из нас сделает две отбивные. Любовник вспомнил, кому она приходилась женой, и

не засомневался насчёт "отбивных". Он стянул с постели простыню, привязал её за железный прут к ограде балкона и благополучно опустился на этаж ниже. С этой минуты стоит его заслуженно называть не только Любовником, но и Везунчиком.

Жена Боксёра побрызгала водой лицо и волосы и, заправляя на ходу халатик, пошла открывать мужу. Распахнула двери - а там стоит Человек в одних пижамных брюках, с окурком между пальцев и, не обращая даже на неё внимания, пробегает в квартиру с криком:

- Где он?

Жена Боксёра рада была такому неожиданному повороту событий, поэтому, делая большие глаза, спросила с улыбкой:

- Кто - он?

Человек показывает ей окурок:

- Вот этот! Где он?

Жена Боксёра совсем успокоилась и с игривостью, свойственной её характеру, отвечает:

- Я вас не понимаю. Здесь никого нет.

Но Человек помчался в спальню, заглянул под кровать, схватил, не зная зачем, лифчик со спинки стула и направился к шкафу.

В это время Боксёр, выбывший из соревнований раньше, чем предполагалось, возвратился домой и в удручённом настроении подымался на девятый - лифт ещё не работал, так как кооператив сдали всего полгода назад. Боксёр был громадного роста, носил сорок пятый размер обуви и шагал, оставляя за собой по две-три ступени сразу. Подходит Боксёр к своим дверям, а они настежь открыты. "Странно! Чего это вдруг?" - подумал он. Входит в гостиную, а одновременно

из спальни выходит полуголый мужчина, да ещё с лифчиком в руке, а за ним ещё и раскрасневшаяся жена. "Хорошенький сюрприз!" - мелькает в мутной голове Боксёра.

Человек увидел, наконец, искомого обидчика, подошёл к нему вплотную, сунул под нос окурок и спрашивает:

- За что?

Боксёр взял левой рукой протянутый ему окурок, а правой со всей силой, умноженной на ревность, на неудачу, ударил Человека в челюсть, и полетел тот через весь коридор аж на лестничную клетку. Дверь за ним захлопнулась: Боксёр остался выяснять отношения с женой с глазу на глаз.

Человек схватился за мгновенно опухшую скулу и, чувствуя ещё большую обиду и боль, шатаясь, поплёлся к себе на восьмой.

Любовник-Везунчик, оказавшись на балконе Человека, решил потихоньку выбираться из дома. На цыпочках прошёл по комнате до выхода и стал прислушиваться, что на девятом творится. Крики жены Боксёра: "Спасите, убивают!" - явно не предвещали ничего хорошего. "Скорее, скорее, уноси ноги!" - стучало в висках Любовника-Везунчика. Он приоткрыл дверь и увидел спускавшегося по лестнице побитого Человека. Любовник-Везунчик вынул из кармана белый носовой платочек и стал им как бы вытирать пыль с двери.

Человек направился в свою квартиру, увидел там хозяина, наводящего порядок, и промямлил сквозь опухшие губы:

- Извините, ошибся этажом.

Забывчивость Человека в этой ситуации можно понять: Боксёр нанёс ему головокружительный удар.

Тут же раздался звон колокольчика, возвещающего жителям кооператива, что прибыла мусорная машина. Каждый, что бы ни делал в этот момент, хватается ведро и бежит на улицу.

Так поступила и Хозяйка с седьмого этажа, квартира которой была расположена под обиталищем Человека, точь-в-точь с такой же планировкой комнат, и даже платяной шкаф стоял на том же месте и был той же фабрики - "СМ. Кирова".

Дверь свою Хозяйка оставила открытой из бережного отношения к замку: открывать, закрывать лишней раз - только портить его.

Человек зашёл в знакомую обстановку, направился в ванную, взглянул на себя в зеркало и ужаснулся: под глазом синяк, нос распух, нижняя губа на верхнюю надвинулась. Подставил он голову под холодную воду и немалое облегчение почувствовал. Затем вынул из шкафа рубашку мужа Хозяйки, ушедшего с зорькой рыбачить в Люстдорф, одел её и стал застёгивать пуговицы.

Хозяйка вернулась с пустым ведром и видит в гостиной чужого человека в мужниной рубашке, оторопела, но ненадолго, и с криком: "Ворюга!" - бросилась на него, одела ему на голову ведро, оборвала рукава, пришла в ещё большую ярость, подняла его на руки и выбросила, как куль с мукой, в проём двери.

Ведро покатило по лестнице, гремя и стуча, а Человек больно ударился о цементный пол и на этот раз даже не задался вопросом: "За что?"

Он лежал лицом вниз и не мог при этом, естественно, видеть, как виновник его несчастий, Любовник-Везунчик, брезгливо перепрыгнул через него с полным ведром мусора, а только услышал чей-то недовольный го-лос над собой: "Вот ханыга, с самого утра нализался, Фу!" - и удаляющийся-ся вниз бег.

Любовник-Везунчик догнал мусорную уже за углом, бросил ей в пасть ведро, принадлежащее Человеку, и, насвистывая марш Тореадора из оперы Визе "Кармен", был таков.

Человек не помнил, сколько времени пролежал на площадке, и, когда уже совсем продрог, попытался поднять тело в вертикальное положение. Ему удалось дотянуться до двери, противоположной Хозяйкиной, и опереться на неё спиной - на большее сил не хватило.

А за дверью молодые Мама и Папа занимались уборкой. Мама мыла полы, Папа вываривал пелёнки в кастрюле, Ребёнок надрывался от плача в манеже. Мама крикнула папе:

- Ты же видишь, у меня руки заняты. Успокой его!

Папа отошёл от плиты, стал строить ребёнку рожи, прыгать на одной ноге, хрюкать, лаять, мяукать. Ребёнок заревел пуще прежнего.

- Ну, вот что! - строго сказал Папа. - Если ты сейчас же не переста-нешь плакать, я открою двери... и впущу Бабая!

После такой угрозы Ребёнок зашёлся до посинения. Папа резко потянул на себя дверную ручку, и к его ногам свалился Человек.

Ребёнок тут же замолчал, Папа растерялся, мыльная вода перебежала через край кастрюли, прибежала Мама с мокрой тряпкой, подумав, что её нерасторопный супруг уронил их маленького. Но с облегчением вздох-нула, увидев на полу грязного,

избитого Человека. Затем, не сговариваясь, Мама и Папа взяли Человека за руки, за ноги и поволокли по ступенькам подальше от себя, от свидетелей, от беды. Усадили его возле перил и, обгоняя друг друга, помчались на плач Ребёнка.

На первом этаже жила старенькая Учительница, вышедшая давно на пенсию, не имевшая никогда собственных детей, подслеповатая. И был у неё пудель по имени Ромео. И назвала она его так потому, что сама носила имя Юлия. Учительница прогуливала Ромео по несколько раз в день. И сейчас, пока Юлия возилась с ключом, никак не попадая им в замочную скважину, Ромео побежал вперёд, обнюхал Человека, понял, что тот безобиден, поднял заднюю лапу, совершил своё мокрое дело и выскочил на улицу.

Учительница в конце-концов провернула ключ, приготовила ошейник и стала ласково окликать пуделя:

- Ромео! Ромео!

Человек тихо заскулил в ответ.

Учительница накинула ему на шею поводок, и он послушно пошёл за ней на четвереньках. Ему сразу стало спокойнее на душе. Он почувствовал, что его любят, не дадут в обиду, все вокруг ахают и охают: "Какой чудный пёс. Какой красавец!" - и норовят погладить, и даже целуют в холодный нос.

Стал он с тех пор жить у Учительницы. И ни она, ни кто другой никогда не подозревали о его неожиданном превращении.

А Ромео изловили собачники и, так как никто не приходил, чтобы выкупить его, они сами продали псину на Староконном рынке за три бутылки водки... Любовнику-Везунчику, большому любителю пуделей.

Покорность

Я открыл глаза и сразу захотелось просмотреть на мониторе сон только что прервавшийся. Включил "Дримс". Не перестаю удивляться этой гениальной придумке. Засветился экран.

Стою на углу Александровского проспекта и Бебеля. Лето. Яркое солнце, дети в алее. Мой "Шевроле", но еще красный, а не теперешний, запаркован у школы. Неожиданно, метрах в трехстах появляются диковинные звери. Несколько рыжих тигров, громадных размеров, на двух лапах. Из-за того, что они стоят во весь рост - впечатление устрашающее. Они меня как-будто еще не заметили, и я решил тихо направиться к машине. По всем расчетам я должен успеть дойти к ней. Хорошо бы и детишек, их трое, запихнуть в салон. Звери учуяли меня. Они начинают скачками бег в мою сторону. Мои ноги перестают слушаться - приросли к асфальту. Я достаю ключи из кармана брюк и еле-еле передвигаюсь. Тигры уже совсем близко. И впервые, в моей подсознательной жизни, где я всегда находил выход, где я словом, и только словом отводил опасность будь-то шпана, бандиты, громилы - я покорился судьбе. Я присел около дерева, закрыл глаза и ждал. Ведь это произойдет мгновенно. Они отгрызут голову и дальше я уже ничего не буду чувствовать и помнить.

Наступило безразличие...

... и я проснулся.

Содержание

Лысина в окне.....	5
Белки.....	7
Могилка под кедром.....	8
Книжник.....	9
Раздвоение.....	11
Я упустил свое счастье.....	13
Зеркало.....	16
Голова.....	19
Из записок таракана.....	25
Тузика украли.....	30
Человекопудель.....	31
Покорность.....	37